

И.И. КРАСНОПОЛЬСКАЯ, Г.С. СОЛОДОВА

ВОСПРИЯТИЕ ЧУЖАКА ГРУППОЙ В СОЦИОЛОГИИ Г. ЗИММЕЛЯ

В основе статьи лежит понимание природы чужака и группы, предложенное Георгом Зиммелем. Присутствие чужака признается одним из необходимых элементов для осознания и поддержания сплоченности группы. Основное внимание уделено специфике взаимодействий группы и чужака — тому, каким образом группа поддерживает собственные границы и предотвращает проникновение чужака в свою общность. Рассмотрены причины, по которым чужой не принимается группой и не может стать ее полноценным членом. Предполагается, что группа имеет, поддерживает и конструирует границы: с одной стороны, ограничивающие то, что находится внутри группы, ее единство и солидарность; с другой — препятствующие сближению чужака с группой, проникновению его во внутреннюю систему взаимодействий. Границы в работе понимаются как особые пространственные ограничения или социальные практики, которые детерминируют социальные взаимодействия.

Ключевые слова: Георг Зиммель, границы группы, конструирование границ, Другой, типизация чужаков, социальная дистанция.

Понимание группой природы чужака

В концепции личности Георга Зиммеля отправной точной в формировании собственной идентичности является индивид, его эго, которое детерминирует восприятие и определение окружающего мира. Другие воспринимаются лишь как части внешней среды, но самоидентификация индивида возможна исключительно через социальное взаимодействие. Другой понимается и конструируется как «другой Я», как альтер эго, при этом он находится в зависимой позиции от эго. Конструирование Другого происходит посредством

Краснопольская Ирина Игоревна — младший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». **Адрес:** 101978, Москва, Славянская площадь, д. 4, стр. 2, к. 515. **Телефон:** 7 (495) 625-17-857.

Электронная почта: isolodova@gmail.com

Солодова Галина Сергеевна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН. **Адрес:** 630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. каб. 406, сектор социологии науки и образования.

Телефон: 7 (383) 330-22-40. **Электронная почта:** solodova@mail.nsk.ru

его соотнесения с определяющим Я. Другой является для Я внешним окружением, внешней средой, не принимаемой Я близко к самовосприятию.

Процесс определения Другого происходит в несколько этапов. На первом — Другой воспринимается как физически существующее тело. Далее осознается его психическая природа. Конструируется объективный мир, состоящий из множества индивидуальных примордиальных, иначе говоря, физических миров. Только на следующем, третьем, этапе Другой осознается Эго как другой человек, такой же, как и он сам, — обладающий телом, психической природой, физической средой. На завершающем этапе происходит прямая эмпатия, Другой воспринимается индивидом через собственное осознание. Однако Другой не воспринимается Я как экзистенциально значимый субъект, но как некая объективная множественная реальность.

Личность включает своеобразный центр и периферию. Последняя, в свою очередь, состоит из сиюминутных импульсов и возбуждений как реакций на взаимодействия индивида с непосредственным внешним окружением. Глубинный уровень центральной части личности является практически недвижимым, основательным и фундаментальным. Он хранит «действительный смысл, или субстанцию нашей жизни» [3, с. 2].

При переносе многослойности понятия личности на уровень социальных взаимодействий группы возникают две отдельные структуры — внутренних и внешних интеракций. Первая представляет собой сформировавшуюся структуру, аналог центра личности. Ее развитие возможно исключительно в медленном и последовательном, поступательном движении. Вероятно, внутренние социальные взаимодействия происходят между членами четко определенной группы, связанными друг с другом единством принадлежности к ней. Вторую структуру образуют отношения группы вне своих границ с не принадлежащими ей индивидами или группами, то есть внешние отношения. Для членов группы они лишены ясности и последовательности, их развитие скорее носит фрагментарный, прерывистый характер [8, р. 170].

В любых социальных взаимодействиях внутренняя структура остается неизменной, сохраняется в своей традиционной форме. Адаптация к внешним нестабильным условиям происходит посредством изменения внешней структуры. Можно предположить, что в случае взаимодействия группы с чужаком имманентная структура взаимодействий будет препятствовать его включению в центральный уровень внутренних коммуникаций. Несмотря на внешнее развитие взаимодействий и тесное формальное общение, основа внутренних отношений не меняется, чужак продолжает оставаться чужаком.

В процессе взаимодействий основным является производство обобществления, производство социального. В этот процесс помимо группы вовлечены индивидуальные личности, к которым Зиммель применял понятие социального типа. В процессе социальных взаимодействий индивиды становятся носителями социального типа, как некой матрицы взаимодействий, которая в определенной степени детерминирует их активность и идентификацию со стороны партнеров. Исходя из этого, к примеру, чужой является одним из социальных типов.

Интересным представляется вопрос идентификации чужих не столько как отдельных индивидов, но как групп чужих. В работах Зиммеля не встречается явного описания процесса идентификации групп. Если следовать подходу эголизма, то определение Другого возможно исключительно в единственном числе. Однако нельзя отрицать, что индивид, член группы, сталкивается не только с отдельными чужими, но и с группами чужих. Возникает вопрос, каким образом происходит типизирование группы как некой общности, каков механизм определения принадлежности партнера по взаимодействию в качестве индивида, входящего в *определенную группу*.

Границы группы

Американские исследователи творчества Зиммеля указывают на ошибочное выведение его последователями понятия социальной дистанции [6, р. 835]. В своих размышлениях о чужом Зиммель специально не фокусировался на анализе социальной дистанции, не был ее первооткрывателем. В контексте проблематизации восприятия чужака группой для нас значимы только некоторые характеристики социальной дистанции и границы. Принципиальным является свойство границ отделять разные виды социальной организации и паттернов взаимодействий. Место группы приобретает характер «эксклюзивности», границы акцентируют стремление группы на единоличное занятие «их» территории [5, р. 96]. Во-первых, чужак, пересекая границы, оказывается в контексте социальной организации, отличной от его исходной группы. Во-вторых, границы придают большую определенность и конкретность любому социальному порядку, делают его более применяемым и интенсивнее переживаемым его членами.

Однако, говоря о пространстве, Зиммель подразумевает не просто абстрактную возможность индивидов быть вместе: прежде всего он подчеркивает важность взаимодействия между индивидами, переживаемого как ощущение места. Иначе говоря, нахождение индивидов вместе означает, что они разделяют некое конкретное место [5, р. 96]. Последнее подразумевает взаимодействия, представляющие постоянный поток событий. Вместе с актерами индивид является частью самой жизни; продвижение жизни вперед включает пределы и их пересечения.

Так, сама логика социальных взаимодействий и их развития подразумевает существование границ, конструирующих часть рекуррентной структуры [5].

Понятие дистанции подразумевает расстояние не в территориальном понимании, но скорее как отражение двойственной природы чужака, которая проявляется и в его близости к группе, и в отдаленности от нее. Так, Зиммель связывает социальную дистанцию с пониманием взаимодействия как близости. Дистанция чужого с группой мала в том смысле, что он взаимодействует с большим числом ее членов. Но одновременно эта дистанция велика, поскольку чужой строит свое взаимодействие непосредственно, опираясь на конкретную ситуацию. В то же время члены группы взаимодействуют на основании ожиданий, закрепленных родством, общностью или совместными занятиями.

Возможно три понимания дистанции, что отражает ее многогранность и социальную природу. Первое — это экологическая, территориальная дистанция; второе — степень эмоциональной вовлеченности или отдаленности; третье — степень, в которой индивиды разделяют схожие чувства и настроения [6, р. 836]. Полагаем, что понятие границы можно использовать вместе с понятием социальной дистанции. Это обусловлено следующим: чужой — что является логичным — находится в определенной степени близости к группе. Эта степень социальной дистанции может варьироваться и изменяться. Во всех случаях, даже при минимальной дистанции, чужак отделен от группы границами, отчасти выстроенными ею при его появлении. В такой ситуации более значимым представляется сам факт существования и воспроизводства границ между чужим и группой, чем конкретная дистанция. При этом пересечение групповых границ символизирует приближение, вторжение или, напротив, отдаление чужака от социально ограниченного пространства группы.

Таким образом, границы в пространственной форме отражают условия и специфику взаимодействий и социальной организации группы, служат для определения группы. Чужак в известном смысле также является членом группы, вопрос только в дистанции: насколько близко он допущен во внутренние взаимодействия группы.

Понимание чужака Зиммель ограничивает восприятием его с позиции группы — чужак и взаимодействия с ним всегда определяются по отношению к принимающей группе. С позиции группы чужак является частью ее внешнего окружения, которое воспринимается как довольно абстрактное и унифицированное образование. Чужак не интересен группе как личность, но лишь как некое образование или конкретный исполнитель определенной функции. Последнее четко прослеживается в роли чужака как посредника торговых операций и актора в финансовой сфере.

Вероятная причина этого может заключаться в том, что все взаимодействия членов группы с не-членами по определению относятся к внешней структуре взаимодействий и, соответственно, периферии индивидуального строения личности. В отличие от стабильных и хорошо усвоенных членами группы моделей внутренних взаимодействий, отношения с внешней средой фрагментарны и неустойчивы. Следовательно, используя термин А. Шюца, внешние взаимодействия не детализированы в естественной установке и имеют вид неких общих представлений. Таким образом, чужак в качестве представителя внешнего по отношению к группе окружения идентифицируется как нечто не конкретизированное, размытое, не имеющее четко определенных границ.

С позиции чужака, группа, напротив, идентифицируется как один из четко определенных, обособленных границами универсальных элементов его внешней среды. Отдельная группа является лишь одной из возможных групп, к которой чужак может приблизиться. Так, чужак, в отличие от группы, может выбирать и изменять свои взаимодействия с группой как одной из потенциальных. В этом просматриваются истоки отстраненной и объективной позиции чужака в группе.

Двойственная природа чужого

Основное осмысление феномена чужака было представлено Зиммелем в двух работах: «Экскурс о чужаке» и «Философия денег». Чужак определяется им как потенциальный странник. Отчасти чужак является элементом самой группы, однако от полноценной включенности и принадлежности ей его отделяет собственная специфика. Чужой — это фактически тот, кто должен быть отдален, но находится близко, что противоречит ситуации, когда «все на своих местах» [5, р. 181]. «Чужак вначале появляется как торговец, как тот, кто не закреплен к месту, однако на время приживается, останавливается в этом поселении — “потенциальный странник”. Он объединяет в себе близость и отдаленность, озабоченность и безразличие... это определяет его как того, кто не полно и не лично заинтересован в социальной жизни вокруг себя» [6, р. 830].

Обозначим характерные признаки чужака, определяющие и одновременно иллюстрирующие его двойственную природу.

Незакрепленность и неподчинение территориальным границам. Чужак не принадлежит к территориально ограниченной группе. По природе своей он не землевладелец; не владеет не только непосредственно землей, но и любой жизненной субстанцией. Также это может быть определенная социальная среда, группа или сообщество. В качестве примера Зиммель приводит евреев, которые законодательно были ограничены в праве землевладения. Будучи исторически

«безземельными», они становились чужаками и воспринимались как чужаки. Следствием этого стала их торговая и финансовая активность, то есть занятость в таких сферах, в которых прежде всего востребовано свойство чуждости. Возможность вести деятельность за пределами группы, способность пересекать территориальные границы придает чужаку подвижность.

Неестественность появления чужака для группы. По своей природе чужак не принадлежит к группе с самого начала, он не разделяет ее уникальную историю и опыт. Чужак — не носитель специфических качеств, моделей взаимодействия, чувств солидарности и общности — всего того, что является багажом предшествующей деятельности группы. Солидарность и восприятие исключительности определенного пространства, как и дистанция, конструируемая чувственно или интеллектуально, социально более содержательны, нежели пространственное перемещение [4, с. 91]. Приход чужака в группу, приближение к ней представляет собой одно из событий групповой истории. Потенциально, раз члены группы наблюдали начало пребывания чужака, они полагают, что с вероятностью будут наблюдать и завершение контакта. Неестественность заключается именно в этой наблюдаемости, которая однозначно отделяет чужака от естественной, разделяемой членами группы истории и общности.

Нарушение соотношения физической и психической близости. Двойственная позиция чужака и его объективность по отношению к группе нарушают представления ее членов о природе того, кто должен быть близко. С одной стороны, чужак физически близок, находится в группе. Соответственно для членов группы логично разделять общее с ним чувство солидарности и испытывать некое психологическое ощущение близости и родства. Однако этого нет, и, с другой стороны, чужака воспринимают как того, кто физически должен быть далеко. Это приводит к замешательству членов группы, и они искусственно ограничивают свое взаимодействие с чужаком. Взаимоотношения с ним становятся контрактными в противоположность отношениям солидарности между членами группы. Чужак становится во взаимодействиях с группой лишь выражением некой функции, функции обмена. Он воспринимается исключительно как торговец, ростовщик — посредник при торговом или денежном обмене. Таким образом, пересекая групповые границы, чужак по отношению к группе продолжает оставаться на определенной дистанции, ограждаясь от отношений внутригрупповой солидарности.

Зиммель отмечает практически полное совпадение и взаимное пересечение таких типов, как чужак, торговец и купец, полагая, что природа каждого имеет принципиально близкие основополагающие характеристики. Деньги являются формой человеческих отношений и

обладают двойственной природой, абсолютным выражением функции обмена между людьми. Чужой отделен границами от включения во взаимодействия между членами группы. С помощью денег он может контролировать наиболее значимую форму социальных взаимодействий — обмен, получая таким способом возможность приближения к группе, преодоления ее границ. Зиммель указывает на порожденную этим двойственность: для функции обмена и территориальной мобильности необходим торговец. Но не только торговец является или становится чужим, но и чужой склонен стать торговцем [8, p. 225]. В любом случае, характеристики денег и чужого обеспечивают обоим возможность функционировать — независимо от непосредственного расстояния и конкретных групповых границ.

Отношение группы к чужаку

Двойственная природа чужака, его подвижность и одновременная невовлеченность, несвязанность групповыми узами ни с одним из элементов, с которыми он вступает в контакт, придает ему особое свойство объективности. Конstellляция удаленности и близости обеспечивает уникальное для группы не укорененное, объективное внешнее участие. Например, денежные отношения обладают безличной объективной природой и независимой непристрастной силой. Члены группы не могут однозначно для себя определить чужака в силу его двойственности, не могут избежать неопределенности в отношениях с ним. Это вызывает страх и стремление типизировать и таким образом идентифицировать чужака.

Торговая и финансовая деятельность, в которую вовлечены чужие, обладает свойством понятности и ясности внутренних отношений. Они основаны на деньгах, представляющих собой чистое выражение ценности, у них нет исторически и культурно обусловленных характеристик и связей. Роль чужака иллюстрирует внутреннюю ясность отношений между членами группы и деньгами. У чужака нет никаких интересов относительно группы, кроме тех, что описываются денежными взаимодействиями [8, p. 226]. Получается, что чужой, используя процесс обращения денег в качестве инструмента, приобретает власть над группой. Он способен подчинить группу посредством институционально созданных рамок денежного обращения. Члены группы, в свою очередь, будут подчиняться и действовать в созданных рамках. Причина в том, что денежные отношения и организующий их чужак независимы от группы, которая не имеет над ними власти общности, общего происхождения и внутригрупповых взаимоотношений. Сами деньги, как и чужой, не принадлежат к чему-либо. Они и не закреплены на конкретной территории, и не привязаны к стоимости своего физического проявления. В силу этого денежные операции имеют безличный характер. Члены группы воспринимают

эту безличную форму денежного общения как выражение некой индифферентной, непристрастной и объективной силы. А чужак воспринимается как ее воплощение.

Объективность чужака можно трактовать как средство для преодоления границ закрытости или предвзятости членов группы. Идею объективности чужого использовал в своих размышлениях о конфликте Льюис Козер, полагавший, что именно невключенность и одновременная близость чужака делает его прекрасным инструментом выполнения законодательных и властных повелений [6, р. 833]. В то же время чужой имеет возможность быстрого сближения с представителями группы. Это выражается в феномене невероятной открытости и искренности по отношению к нему со стороны членов группы. Чужой как бы впускается в закрытые ранее внутренние взаимодействия индивидов, но не в качестве актора, а как «слушатель», объективная сторона. Чужой, временно находясь в группе, не заинтересован в ней, поэтому его можно привлечь и приблизить к «центру» группы. Ведь в любом случае он скоро покинет ее ради других групп [3]. В этом можно усмотреть очередное выражение двойственной природы объективности чужого.

В восприятии группы чужак совершенен. Преодолев и разорвав общие связи близости со своей родной группой и местом, он способен всегда прекратить вновь создаваемые отношения общности с любой из возможных групп. Чужак мобилен и объективен, «он силен и опасен, потому что переступает границы, осмеливается разорвать узы солидарности» [1, с. 457]. «Тот, кому мил родной дом, — еще слаб; тот, для кого любой уголок, как родной дом, — уже силен; но тот, для кого целый мир — чужбина, воистину совершенен» (Гуго Сен-Викторский, цит. по: [1, с. 457]). Иными словами, группа, одновременно признавая объективность чужака и наделяя его властью судьи над собой и взаимодействиями членов группы, испытывает перед ним страх — страх перед его независимой и объективной природой и существующей у него вследствие этого силой. Поэтому существует вероятность, что члены группы начнут испытывать напряженность и тревогу и проявлять скрытый антагонизм к чужому как превосходящему группу феномену. Возможный механизм выражения обеспокоенности и желания группы сохранить в целостности собственные границы — процесс идентификации и типизации чужих, причем не только как отдельных индивидов, но и как целых групп.

Идентификация чужого происходит в процессе непосредственного взаимодействия представителя группы с чужим. Изначально оно имеет более абстрактный характер, нежели взаимодействия внутри группы. В зависимости от близости чужака группе, от степени разделяемости и общности некоторых присущих ему качеств с группой, ее

представители воспринимают его более или менее конкретно, детализировано. В случае большой близости значимыми становятся индивидуальные характеристики чужака. В противном случае имеет место идентификация чужого как представителя некой группы чужих, находящихся «снаружи». При этом группа чужих является частью внешней среды номинирующей группы и довольно унифицированным и нечетко ограниченным образованием. Так происходит выстраивание границ между группой хозяев и группой чужих, определенной как единая.

С одной стороны, можно предположить, что идентификация чужих членами группы имеет характер общего внешнего номинирования. Разграничение на отдельного индивида-чужого и группу чужих не производится. Вероятно, причины в том, что чужие идентифицируются как принадлежащие к недифференцированной и относительно абстрактной внешней среде и воспринимаются как общий тип. С другой стороны, чужой, являясь носителем принесенных из дома норм и не полностью включаясь в культуру принимающей стороны, относительно свободен от местных традиций. Это обуславливает возникновение страха и раздражения. Посредством негативной идентификации и негативных практик по отношению к чужим выстраиваются защитительные барьеры. Современным примером такого типа взаимодействий может служить отношение к этническим мигрантам.

Можно предположить, что идентификация зависит от дистанции чужого по отношению к группе. Дистанция между ними сокращается, если чужой обладает достаточным внешним и социокультурным сходством с членами группы, которые воспринимают эти характеристики чужого как общие с собственными. Таким образом чужой входит в группу, приближается к ее внутренним отношениям, и следовательно, отдалается в ее представлении от внешней гомогенной среды. Чужой становится более конкретным и «пригодным» для идентификации как отдельный индивид. В противном случае черты чужого начинают выступать не как его индивидуальные характеристики, но как черты его происхождения. Если качества или интересы чужого не являются общими с представителями группы, люди во взаимодействиях прячут собственную личность «в скорлупу сдержанности» [2, с. 118]. Из всего возможного спектра потенциально общих качеств чужого и группы действительно сходными оказываются лишь некоторые. Особенно ярко проявляется доминирование общих характеристик над индивидуальными в расовой и религиозной принадлежности. Здесь критерий выделения группы (цвет кожи, вероисповедание, страна прибытия) играет роль своеобразного маркера. Вокруг него начинают структурироваться социальные различия, он определяет специфику социальных взаимодействий с определяющей группой.

Критерий «чуждости» создает предпосылки для социальных различий. Группа самостоятельно устанавливает границы и дистанцию, отделяющие ее от чужих. Эти границы определяют вполне четкий набор социальных практик и моделей взаимодействий с группой хозяев. Среди них — территориально-поселенческая сегрегация группы чужих или их позиционирование как «виновников всех бед» [5, р. 183]. Так происходит конструирование границ между группой хозяев и группой чужаков, типизированной как единая. Логично предположить, что взаимодействия двух групп могут не быть положительно отмеченными. Зиммель иллюстрирует это на примере безличной и универсальной природы денег и чужаков как посредников в денежных отношениях. Главные финансовые дома вызывали ненависть среди членов группы. Это чувство к некоей индифферентной и безликой силе, которая кажется персонифицированной в чужаках, обладающих новой интеллектуальной мощью — такой же нейтральной и бессердечной, как деньги [8, р. 227].

Имеет место выстраивание законодательных границ, препятствующих группе чужих приблизиться и включиться во внутреннюю деятельность и взаимодействия группы. Зиммель приводит пример законодательного отказа даровать евреям права голосования, потому что, имея возможность с помощью денег купить любые голоса и правительственные места, они не нуждаются ни в каких правах. Политические права будут лишь формальным подтверждением того, чем они уже владеют [8, р. 223]. Здесь видно разграничение тех областей деятельности, которые группа определяет как допустимые и недопустимые для занятия их чужими. Например, финансовая деятельность — в некоторых случаях на законодательном уровне — закрепляется исключительно за чужими, поскольку деньги в силу своих свойств принимаются всеми ото всех, в том числе и от чужака. Одновременно существуют политические и социальные ограничения, то есть чужой лишен возможности достичь определенного социального статуса. В этой связи интересно замечание Зиммеля: человеческие общества, с его точки зрения, преимущественно гомогенны и состоят из культурно гомогенных групп, что не является результатом исторической случайности [6, р. 833]. Скорее это указывает на то, что типизирование чужака действительно существует и воспроизводится, и на объединения перечисленных паттернов. Фактически указываемая гомогенность представляет собой следствие конструирования границ группами и отдаления от себя групп чужих.

Определение двойственного положения чужака в группе, данное М. Вуд, звучит следующим образом: индивид может быть членом группы в пространственном понимании, но не быть членом группы в социальном понимании; индивид может находиться в группе, но не

быть *EE* (*notOfit*). Это практически аналогично пониманию чужака Зиммелем, когда чужак находится в группе и одновременно противостоит ей [7, р. 263]. В нашем случае можно говорить о принципиально не различающихся вещах. Чужие, типизованные как единая группа, с одной стороны, находятся близко от группы хозяев в силу тесного денежного контакта. С другой — находятся вне ее, поскольку взаимодействие является результатом непосредственных контрактных договоренностей, культурно не укорененных в истории группы. Данная двойственность, служа основанием для появления границ, поддерживается членами группы. Таким образом, границы и их непосредственный вид представляют собой следствие специфики социальных взаимодействий внутри группы хозяев.

Заключение

Рассматривая взаимодействия группы и чужого, Зиммель заостряет особое внимание на природе чужака, однозначно отделяющей его от любого принадлежащего группе индивида и определяющей его принципиальную невозможность стать членом группы, разделить ее внутригрупповое чувство солидарности. Акцент делается на раскрытии связи между природой чужака и его невключенностью в группу. В сознании группы чужак предстает неконкретизированным и недоступным для полного понимания элементом внешней среды. Он не поддается четкому определению в рамках усвоенных границ, остается неопределенным, а потому опасным для устойчивости и однозначности концептуальных бинарных оппозиций группы, описывающих и структурирующих ее восприятие социальной реальности. Группа стремится избежать этой угрозы и задействует различные механизмы и границы для конкретизации чужака. Таковыми механизмами могут выступать номинирование и типизация чужаков, сведение их личностной специфики к надиндивидуальным, обобщенным характеристикам, пространственные границы. Таким образом, на взаимодействия чужака с членами группы накладывается ограничение в виде нескольких допустимых паттернов, обеспечивающих поддержание границ группы, ее общности и большей определенности.

Анализ проведен с позиции группы: каким образом она воспринимает чужака, как выстраивает с ним взаимодействия. Вероятно, не менее любопытно проанализировать ситуацию с точки зрения самого чужака: его понимание группы как одного из четко очерченных элементов внешней среды и одного из возможных пространств, к которому он будет приближаться в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баньковская С.П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457–467.

2. *Зиммель Г.* Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114–119.
3. *Зиммель Г.* Эссе о чужаке / Пер. А.Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–13.
4. *Филиппов А.Ф.* Теоретические основания социологии пространства. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003.
5. *Georg Simmel: Critical assessments* / Ed. by D. Frisby. London: Taylor & Francis, 1994.
6. *Levine D., Carter E., Gorman M.* Simmel's influence on American sociology // *The American Journal of Sociology*. 1976. Vol. 81. No 4. P. 813–845.
7. *McLemone S.D.* Simmel's «Stranger»: A critique of the concept // *Formal sociology: The sociology of Georg Simmel* / Ed. by L. Ray. Aldershot: Edward Elgar, 1991. P. 263–272.
8. *Simmel G.* *The philosophy of money* / Ed. by D. Frisby. London; New York: Routledge, 1990.